

УРОКИ НАДОРВАВШЕЙСЯ ИМПЕРИИ И ОБЕССИЛЕННОГО СОЦИУМА

Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ

Распад Советского Союза, конечно, не самая великая трагедия прошлого столетия, но это одно из титульных событий века. До полномасштабной трагедии оно не дотягивает – и слава Богу. Однако и крах одного из величайших проектов в истории безболезненным быть никак не может. И дело не в фантомных болях по утраченным территориям, по той роли, которую играл в мире Советский Союз, или даже в простой жалости. Дело в утраченной перспективе, в необъясненной толком до сих пор быстроте этих утрат, в невнятности настоящего.

Ни в коей мере не претендуя на полноту и окончательность осмысления, попробуем хотя бы эскизно ответить на главные вопросы. Что же это было? Почему это произошло? Кому можно вменить в вину происшедшее? Без постановки хотя бы такого общего диагноза, невозможно ответить и на главный вопрос: как же жить дальше, что со всем этим делать?

Надорвавшаяся империя

Распад империй всегда исторически в изрядной степени огорчителен. Империя – это отнюдь не во всем плохо. Все известные в истории империи (Александра Македонского, Древний Рим, Византия, империи древнего и средневекового Китая, Священная Римская империя, Австро-Венгерская империя) оставляли после себя великие культуры. Более того, можно утверждать, что цивилизационные прорывы в истории осуществлялись именно империями. В идее империи много конструктивного, объединяющего, способствующего снятию противостояний, раздробленности, развитию государственности и просвещения. В имперских условиях делаются политические, научные, художественные, военные карьеры, немыслимые в условиях «национальных государств».

Более того, имперское культурное наследие обладает существенным потенциалом развития открытого общества. Согласно докладу Совета Европы о содержании и источниках идеи европейскости, европейская идентичность включает в себя: мультикультуральность, демократию, толерантность, веру в исторический прогресс, права человека. Причем источники формирования этих базовых ценностей авторы доклада возводят к Древнему Риму, Западно-Римской империи, империи Наполеона, экспансии Запада в Америке, Азии, Африке, Австралии, т. е. к имперским началам, объединявшим западный мир. Имперское по самой своей сути – общечеловеческое или претендует на то, чтобы быть таковым. Поэтому исторически существовавшие империи мож-

но рассматривать как ростки, «пробы пера» глобализации, что, кстати, объясняет имперские черты нынешней глобализации.

Не была исключением и Российская империя, в том числе и в ее советской ипостаси. Как и всякая империя, она не только была «тюрьмой народов», но и несла этим народам просвещение, условия развития совместного существования.

Но у всех империй есть одна особенность – они рано или поздно распадаются. Кроме, может быть, одной империи – Китайской, которая, однажды возникнув, из истории не уходила, что, возможно, обусловлено китайской интерпретацией цикличности универсума. Но в нашем линейном мире империи, рано или поздно, распадаются, трансформируются. И это обычно предопределяется рядом причин. Обозначу три, представляющиеся главными:

(1) нарастание центробежных сил, перевешивающих центростремительные, создававшие империю, что проявляется в формировании местных, региональных, все более самодостаточных элит, располагающих необходимыми ресурсами;

(2) вырождение центральной элиты, о чем свидетельствует, в частности, ее недалёковидность;

(3) внешняя опасность, растущие угрозы завоевания.

При этом последний фактор реализуется обычно именно в силу действия предыдущих двух. С государством происходит то же, что и с организмом, утратившим иммунитет, он оказывается бессильным перед простейшими инфекциями. А у государства, в отличие от организма, его части (фактор (1)) могут даже начать искать союзников извне. Так что решающими оказываются первые два фактора. Поэтому, применительно к России, ограничимся их рассмотрением – тем более, что исторически третий фактор в нашем случае практически отсутствовал. Нас никто не собирался и не собирается завоевывать. Мировое сообщество готово иметь дело с любым нашим правительством, понимая, что дальнейший распад нашей страны, сопровождающие его социальные конфликты, ничего хорошего миру не сулят. Другой разговор, если мы сами все сделаем для того, чтобы «раствориться» в истории и пространстве. Свято место пусто не будет.

Итак...

Почему это произошло: этнофедерализм

СССР, похоже, был единственной в мировой истории империей «позитивного действия» – не только и не столько «высасывавшей ресурсы периферии», сколько эту периферию всячески развивавшей. Советская национальная политика была весьма парадоксальной.

Большевики – партия интернационалистов, желавших поражения своей стране в Первой мировой войне и рассматривавших Россию в качестве детонатора мировой революции, оказавшись у власти и поняв,

что перспективы мировой революции более чем утопичны, вынуждены были строить отношения с народами бывшей империи, искать союзников. И они увидели их в национально-освободительном движении. Это была политическая игра: и Маркс, и Ленин понимали нации как пережиток буржуазного общества, который отомрет по мере строительства нового общества. Поэтому национальный вопрос никогда не рассматривался ими всерьез. И национальная политика была поручена «замечательному грузину». Именно он отверг разумную идею культурной автономии и настоял на федерации с правом на отделение. При этом сама идея нации понималась сугубо примордиалистски – по происхождению и культуре. Этноты получили статус наций, да еще с конституционным правом на самоопределение, т. е. на отделение.

В результате получился худший вариант федерализма – многоуровневый этнический федерализм, с появлением «титულных наций», с национальными автономиями и округами. Но и этот федерализм опять же никто всерьез не воспринимал. Это был политический дизайн. А реальная политическая система к конституции не имела прямого отношения. Реальные процедуры, механизмы принятия и реализации решений осуществлялись коммунистической партией – фактически имперским механизмом власти.

Национальная политика заключалась в поощрении развития национальных культур, многие этноты получили язык, письменность, воспитывалась национальная интеллигенция, развивалось искусство – «национальное по форме, социалистическое по содержанию». Новым «нациям» отдавались территории (присоединенные, а то и освоенные силами многих поколений), основные фонды, строились предприятия. Советская империя, заигравшись с национальным вопросом, фактически создавала полноценные национальные государства в буквальном смысле – закладывала основы будущих новых национальных государств. И если Сталин, следуя опыту Ивана IV – принципу «перебирать людишек», не давал региональным элитам возможности прикипать к месту, то Хрущев, а затем и особенно Брежнев, отступили от этого правила. В результате сформировались национальные политические элиты, желавшие конвертировать власть в собственность, их искушал блеск дипломатического паркета. Они-то, в конечном счете, и растащили Советский Союз.

Поэтому, когда была распущена КПСС, т. е. был выдернут стержень, на котором все держалось, – пустой политический дизайн быстро наполнился реальным содержанием, и союз посыпался.

Игры несостоятельной элиты

Играл ли во всех этих процессах какую-либо роль субъективный фактор? Несомненно. М.С. Горбачев с соратниками затеяли очередной виток догоняющей модели развития («ускорение»), но быстро утратили интерес

к экономике и перешли к политическим реформам («перестройка», «демократизация», «гласность»), а также к «культурным инновациям» вроде антиалкогольной кампании. И все это в условиях крайне неблагоприятной конъюнктуры на внешних рынках, тяжелого состояния экономики страны, нерешенности вопроса о собственности... Между тем, весь опыт истории Новейшего времени говорит о том, что демократия — результат, продукт, «упаковка» всюду плотных рыночных отношений. Не демократизация предшествует экономическим реформам, а наоборот — развитая рыночная экономика является основой успешных политических реформ, поскольку создает предпосылки для формирования таких институтов, как правовое государство и гражданское общество. В противном случае формируемой «демократии» просто не на что опереться — ни в экономическом, ни в социальном планах.

Более того, согласно азам теории и практики управления и менеджмента, если руководством затеваются нововведения, залогом успеха является давно выработанная и неоднократно апробированная на национальном и корпоративном уровнях технология:

- не жалеть времени на разъяснительную работу, потому что люди могут не понимать целей реорганизации, или, что еще хуже — понимать их, но неправильно;
- создавать социальную базу для реформ: наделять организованные группы людей, заинтересованные в успехе реформ, дополнительными полномочиями;
- вести неукоснительный и тщательный контроль — не столько за результатами, сколько за процессом, чтобы своевременно принимать меры при возможных отклонениях, непонимании или сопротивлении нововведениям.

Все эти технологии реализуемы при условии концентрации властным центром административной власти, и только по мере успехов реорганизации полномочия делегируются вниз.

В случае же горбачевской перестройки практически все эти правила соблюдались с точностью до наоборот: радикальные реформы сопровождалась «демократизацией» — вплоть до выборности руководителей предприятий. А инициатор реформ так и не реализовал возможность получить легитимную власть на всенародных выборах, очевидно, опасаясь таких выборов, не веря в их успех.

Наконец, как можно понимать такой факт? Согласно результатам прошедшего весной 1991 г. всесоюзного референдума, подавляющее большинство граждан всех союзных республик (включая прибалтийские) изъявили желание жить в обновленном союзе. И за считанные дни до подписания нового союзного договора, согласованного со всем руководством союзных республик, Президенту Союза потребовалось лететь в Форос. А прилетел, по его же словам, «в другую страну», которую у него «выдернули из-под ног».

На фоне всего этого пришедшая к власти в РСФСР ельцинская команда с упоением раскачивала лодку в борьбе с союзным центром за финансы, экономические ресурсы, механизмы принятия решений. Да и Беловежские соглашения эта команда всерьез не воспринимала, видя в них тактический успех в борьбе с центром.

Что это — вина или беда отечественного политического класса, отечественной советской (да и постсоветской) политической элиты?

Недавно с магистрами мы обсуждали вопрос — что такое политическая элита? Обложились умными книжками. И все не получалось, пока мы не уточнили различие между элитой, истеблишментом и политическим классом.

Слово «элита» пришло из сельского хозяйства. Элитное зерно, элитные бычки — лучшее, отборное, на развод. В человеческом обществе — это люди, задающие образцы: интеллектуальные, нравственные, духовные. В политической жизни — те, кто открывает новые горизонты и пути их достижения. Люди с длинными мыслями. И эти мысли консолидируют общество, делают его обществом.

Истеблишмент — основной социальный слой общества, реализующий его ресурсы, придающий обществу своим образом жизни форму и устойчивое развитие.

Политический класс — это депутаты, партии, чиновники, ведущие эксперты, журналисты. Этот самый политический класс в нынешней России есть и с избытком. Истеблишмент, худо-бедно, но складывается. А вот элиты, похоже, не было, и нет.

Более того, отсутствуют механизмы ее формирования. В истории выработались два механизма формирования и воспроизводства элиты: либо на основе инициативы, предприимчивости, таланта — как это происходит в большинстве стран цивилизационного фронта, либо на основе тщательного отбора лучших — как это было в средневековом и есть в нынешнем Китае, как в современной Франции, Японии. Второй механизм действовал в СССР, но в извращенной форме: отбирались отнюдь не лучшие по деловым и нравственным качествам. Главным было другое. Более того, именно лучшие и устранялись. Разными способами — вплоть до физического уничтожения во всех социальных группах и слоях. Советский и постсоветский политический класс всячески вытравывал и вытравывает ростки конкурентной среды, таланта и инициативы. А отбор и сепарацию, крекинг лучших подменяет личной преданностью по вертикали и «вертикалкам». В результате власть превратилась в некое корпоративное сообщество со своими интересами.

И тогда понятно — почему в России сформировались общество и экономика недоверия, когда власть не доверяет бизнесу и обществу, бизнес не доверяет государству и обществу, а общество вполне справедливо отвечает им взаимным недоверием. Потому что консолидировать общество на конструктивной основе может только элита. Кон-

солидировать не перед некоей — то ли реальной, то ли выдуманной опасностью, а на конструктивной, позитивной основе. Тогда понятно, почему у страны так и нет национальной идеи — ее просто некому вырабатывать. Нет людей с длинными мыслями. А есть мысли коротенькие, как заячьи хвостики: нам бы только ночь простоять, да день продержаться, иметь возможность рулить ресурсами — финансовыми, сырьевыми, энергетическими, информационными.

Понятны и все игры с системой образования и наукой. Элита — она, прежде всего, об образовании, науке и культуре думает, потому что видит новые горизонты и понимает, как к ним идти. Это понимал Петр I, это понимал Ли Куан-ю, к которому дважды приезжал учиться Дэн Сяопин. Это по-своему, но понимали коммунисты.

А наш политический класс — он понимает, зачем «труба», понимает, зачем люди у «трубы». Понимает, зачем люди с ружьем: они охраняют «трубу» и людей у нее. А зачем тут остальные, для чего и вообще: что они делают тут — понять им, видимо, не дано.

Бессильная новая историческая общность

А что же народ? Еще в глухое советское время «застоя» было ясно, что если где-то есть общество потребления и потребителей, то это именно советское общество, в котором ни свой, ни чужой труд не ценится, где экономика издревле носит рентный характер, где люди — не хозяева своей жизни, привыкли не думать о завтрашнем дне — для этого есть начальство. И вообще — лучше не высовываться...

Этот инфантилизм сполна проявился в позднесоветское и постсоветское время. Речь идет о ценностной перенастройке советского общества, начавшейся еще в 1960-х. Широкомасштабное типовое индустриальное жилищное строительство дало возможность расселять коммунальные квартиры и общежития. Развилось массовое телевидение. В семьях рабочих и служащих появились такие предметы бытовой техники, как холодильники, магнитофоны, радиолы, стиральные машины, а в некоторых и личный автотранспорт. Возникли новые формы проведения досуга: туризм, клубы по интересам. Благодаря всему этому население становилось, с одной стороны, более автономным в плане бытового обустройства, а с другой — более зависимым от рынка товаров массового потребления и услуг. Показательно, что тогда же прошла довольно шумная дискуссия о «мещанстве» и «вещизме», показавшая, что стремление к личному благополучию достигло уровня осознанных интересов и ценностных ориентаций широкого круга людей. Все эти факты можно было бы рассматривать как свидетельство формирования ориентированного на средний класс и рыночную экономику общества массового потребления, если бы не отсутствие реальной собственности и следующей за нею ответственности. Все эти блага люди получали из рук государства.

1970-е годы завершили эрозию трансцендентализма. Окончательно победило массовое общество с его потребительскими установками («мещанство» и «вещизм»). В 1970-е годы завершился переход от традиционного доиндустриального общества к массовому индустриальному, а во-вторых, — от тоталитарно-мобилизационного — к потребительскому. Но общество оказалось беззащитным перед массовой культурой. Если в большинстве зарубежных стран социальность имеет устоявшиеся институциональные формы гражданского общества, дающего личности — пусть формальные, но ориентиры и скрепы идентификации в виде религиозных институций, муниципального самоуправления, профессиональной корпоративности, то советский и постсоветский человек был этого лишен. Советское общество было чрезвычайно дисперсно и гомогенно. Это было общество массы — самое массовое общество в мире.

Этот факт — еще одно подтверждение важности и даже необходимости понятийного аппарата для адекватного понимания общественных процессов, включая отечественную историю последних полутора столетий. Возможно, что именно непонимание смысла происходивших изменений и предопределило беспомощность и несостоятельность правящей элиты, привело к катастрофическим последствиям.

Произошедшие изменения не фиксировались в статистике, не отражались в программных документах, идеология и социальная наука оставались в плену устаревших понятий, «не видящих» новых реалий, не позволяющих адекватно описывать и понимать происходящее. Это создавало значительные трудности для советских лидеров, которые в глазах миллионов людей утратили былой ореол вождей, превратившись в заурядных распределителей и потребителей материальных благ. Несмотря на дежурные нападки на потребительство и мещанство, уравнильно-аскетический идеал бесповоротно утрачивал привлекательность. Нельзя забывать и то, что все это происходило на фоне очевидных достижений и роста качества жизни в развитых зарубежных странах, утаить которые от советских людей было уже невозможно.

Говоря о причинах падения советского режима, чаще всего называют техническое, технологическое и экономическое отставание, стратегическое поражение в гонке вооружений и в холодной войне. Но к этому необходимо добавить и то, что советский режим не смог найти достойного ответа на вызов новой культурной эпохи — массовой культуры информационного общества, достигшей планетарных масштабов. Идеология и технология власти советского государства устарели задолго до того, как оно распалось в реальности. Советская коллективистская система уже не могла удерживать в повиновении массового индивида, которого сама же породила. Да и у самой советской правящей элиты возникли потребности и амбиции, типичные для массового общества:

стремление выделиться из толпы «совков», обозначить свое социальное превосходство, конвертировать ставшие эфемерными привилегии власти в более осязаемые и прочные материальные ценности, закрепить их в собственности, наследственное владение.

Короче говоря, советская империя была повержена не в военном противоборстве, и даже не в экономическом соревновании с какими-то конкретными конкурентами и противниками. Она была повержена безликой и универсальной силой, утвердившейся не только «во вражеском окружении», но и в душах советских граждан — массовым обществом и ценностным содержанием его культуры.

В годы перестройки и гласности народ (общественность, население) с упоением читал, узнавая собственную историю, смотрел заседания Съезда Советов по телевизору. В 1991 радовался провалу ГКЧП. Так же потом, в 1993 г., бегал смотреть на расстрел Белого дома. Распад Союза первоначально никто не воспринял всерьез — доходило потом долго и болезненно.

Консюмеризм? Инфантилизм? Да. Ожидание, что кто-то даст свободу и демократию, принесет процветание и изобилие. Вина? Да, но больше — нет. Скорее — беда. У людей не было возможности влиять на происходящее. Кроме, пожалуй, событий, связанных с ГКЧП. Да и то — только в столицах, и только отчасти. Вот и смотрели на происходящее как на детектив. Однако проблема гражданского общества в нашей стране — большая отдельная тема...

По заслугам... Некомпетентность и инфантилизм

В 1970-х годах читал депонированные в ВИНТИ тексты Л.Н. Гумилева как исторические «фэнтези», как реализацию освоенного автором за свои «ходки на зону» жанра лагерного романа. Теперь же перечитываю с ужасом — настолько точно все предсказано и описано. Неужели мы действительно имеем дело с вырождением нации? Точнее, российского суперэтноса? Демографы и этнологи, даже медики, вроде бы, подтверждают это.

Но гуманитарию, особенно философу, хочется перевести разговор в другую плоскость, тем более, что гумилевские описания, как и нынешняя российская реальность, до боли в сердце напоминают последний сон Родиона Раскольникова в «Преступлении и наказании».

Получается — по заслугам? И элита, и народ получили то, что заслужили. Расплата тяжелая, но заслуженная. За что? За некомпетентность. За непонимание сути политических и цивилизационных процессов, включая опыт других стран. Наконец, просто за экономическую безграмотность. За инфантилизм, который, в общем-то, оканчивается проявлением той же жизненной некомпетентности, инфантилизм элиты, неспособной иметь длинные мысли, принимающей решения откровенно руководствуясь эмоциональными реакциями

на происходящее, личными предпочтениями и симпатиями, мелкой мстительностью, инфантилизм интеллигенции... Инфантилизм народа, низведенного до населения и людей, не стремящихся стать гражданами.

И лучше это признать, потому что перекладывание вины на других – первый признак собственной слабости и несостоятельности – тех же некомпетентности и инфантилизма.

И что же делать?

Есть японская историческая притча. В XVI веке три человека – Тоётоми, Оду и Токугава – пытались объединить разобщенную страну. Первый из них сказал: «Если кукушка не кукует, надо свернуть ей шею». И не смог довести дело до конца. Второй руководствовался правилом: «Если кукушка не кукует, надо заставить ее куковать». И опять неудача. Третий сказал: «Если кукушка не кукует, надо подождать». Именно он и стал объединителем Японии, и его потомки правили страной до второй половины XIX столетия.

Шею России в XX столетии уже сворачивали. Потом заставляли быть демократической. Как известно, в России надо жить долго, в том числе для того, чтобы дожить и увидеть, что «кукушка закукует». Причем такие изменения обычно происходят неожиданно, вдруг. Был недавно на одной политологической конференции. Разве что не хором проговаривались три мысли: первая – в России с неизбежностью назревает революция; вторая – неясно только – когда, и кто будет ее движущей силой; третья – главную роль при этом сыграют природные факторы, пока еще нам не понятные. С одной стороны, от такой политологии плакать хочется – еще один симптом некомпетентности и инфантилизма. А с другой: понимание своего интеллектуального бессилия – уже обнадеживающий симптом.

Похоже, за всеми нами и каждым из нас пришли. И, как учили еще древние, делай что должно, и будь что будет.

Аннотация

В статье выделяются главные политические факторы распада советской империи: неадекватная национальная политика, отсутствие полноценной политической элиты и гражданского общества. Делаются выводы относительно перспектив развития России.

Ключевые слова: империя, инфантилизм, массовое общество, национальная политика, некомпетентность, Советский Союз, элита, этнофедерализм.

Summary

There are highlighted the main political factors collapse of the Soviet Empire: inadequate national policy, lack of full political elite and civil society.

Keywords: elite, empire, ethno-federalism, incompetence, infantilism, mass society, national politics, USSR.